

В ЮРИДИЧЕСКОЙ практике бывают нераскрытые, «глухие» дела. Им не всегда суждено пылиться в архивах. Случается, неожиданное событие побуждает обратиться к такому нераскрытому делу. И начинается новое расследование.

Так может сложиться судьба не только уголовного дела, но и литературного памятника. Он иногда хранит свою загадку подолгу, десятилетиями. Но появляется пылливый «следователь», и недостающее в цепи событий звено обнаруживается, непонятные строки раскрывают свой тайный смысл.

До недавнего времени ученые, литературоведы не читали и перечитывали письмо Гоголя, написанное в 1837 году из-за границы Демидову, известному горнозаводчику и богачу, владельцу уральских чугуноплавильных заводов, но понять его содержания не могли. Что связывало писателя и промышленника-миллионера? Письмо звучало загадочно:

«...Нет, во что бы то ни стало, но я должен вас видеть... Никогда бы я не приблизился к вам. Ваше богатство стояло передо мною рубжом, как вдруг ваш раздавшийся голос и ваше полное великодушное предстательство обо мне, вам неизвестном, внимание к малой крупице моего таланта — все это меня тронуло сильно... Это было одним из приятнейших моих воспоминаний, какие только вывез с собою из России. Но, признаюсь, я убежал старательно встреч с вами...»

Каждый, кого заинтересуют это письмо и скрытый в нем смысл, обратится к комментариям XI тома полного собрания сочинений Н. В. Гоголя. Там сказано: «Тон письма, по-видимому, вызван ощущавшейся Гоголем разницей в общественном положении». Далее комментатор сообщает, что писатель демонстративно не пошел к Демидову на званый обед, и делает вывод: «Желанием заглянуть отсутствие на этом обеде, вероятно, и объясняются начальные фразы этого письма».

Но подумайте: неужели из-за пропущенного обеда стал бы Гоголь писать кому-либо столь многозначительные строки? И неужели приглашение на обед осталось «одним из приятнейших воспоминаний» писателя о родине?

И вот через 130 лет после написания гоголевского письма и почти через 80 лет со дня его первого появления в литературном обиходе (оно

впервые опубликовано в «Русской старине» в 1888 году) за раскрытие этого литературного дела взялась Елена Сергеевна Кулябко, старший научный сотрудник Архива Академии наук СССР.

...Садясь летом 1836 года в карету и отправляясь за границу, Гоголь тяжело переживал травлю, поднятую против его только что поставленного на сцене «Ревизора». Булгарин в своей «Северной пчеле» назвал комедию «клеветой на Россию». Ему вторил в «Библиотеке для чтения» Сенковский. Гоголь с раздражением

просвещения в России, было издано... лишь на французском и немецком языках.

Е. С. Кулябко листала старые архивные дела, связанные с историей Академии наук. Перед ней лежала неопубликованная переписка по поводу Демидовских премий. Это архивное дело до сих пор было «глухим». Да и премированные авторы особого интереса действительно не вызывали. И вдруг на листке бумаги мелькнуло имя Гоголя! Кто же и кому пишет о великом писателе? И по какому поводу?

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Загадочное письмо Гоголя

писал из Парижа петербургским друзьям, что на «Ревизора» ему «плевать» и вообще, с какой стати ему без конца сообщают об успехе его комедии у публики? Но, кроме всего этого, почему-то спрашивал: «Где теперь Демидов Павел Николаевич?»

Еще в 1830 году П. Н. Демидов, выступив в качестве мецената, пожертвовал петербургской Академии наук 25.000 рублей ежегодно — для премирования выдающихся сочинений в разных отраслях знания. Право выбирать кандидатов, наиболее достойных премий, Демидов не сохранил за собой, а предоставил Академии наук. Жест промышленника выглядел благородно, но в какой-то степени и наивно, если иметь в виду, что президентом Академии в то время был С. С. Уваров, яркий мракобес и царский сатрап. Такой же ориентации придерживались, естественно, и его ближайшие помощники — академики А. К. Шторх и П. Н. Фус.

Высшее научное учреждение России вроде бы с горячей благодарностью восприняло щедрый дар. Синклит ученых утвердил положение о Демидовских премиях, а самого Демидова единогласно избрал почетным членом Академии, «чтобы гласно заявить ему тем самым, сколь высокую цену придает Академия его денежному пожертвованию». Впрочем, положение о Демидовских премиях, задуманных Демидовым для поощрения

И вот перед Еленой Сергеевной — письмо Павла Демидова, написанное академику П. Н. Фусу как раз в те весенние дни 1836 года, когда Гоголь, удрученный и отчаявшийся после премьеры «Ревизора», собирался за границу.

«Милостивый государь Павел Николаевич!

Не безызвестно Вам, что цель пожертвования моего двадцати пяти тысяч ежегодно в российскую императорскую Академию наук содействовать пользе и славе отечественной на поприще литературном. Попроще мне не украшено новым произведением г. Гоголя под названием: «Ревизор, комедия в пяти действиях». Нельзя не отдать справедливости точнейшему описанию нравов, поставленных им на сцену лиц и национальности наречий. Словом, по живописанию характеров сие сочинение г. Гоголя может считаться образцовым. Это уже и подтверждается тем восторгом, с каким оно принято публикой, и вниманием государя императора, удостоившего первые представления сей комедии своим присутствием. Мне весьма бы желалось, милостивый государь, чтобы сие творение г. Гоголя было увенчано одною из золотых медалей, учрежденных на счет суммы, мною ежегодно жертвующей в российскую императорскую Академию наук, и потому я всепокорнейше прошу Вас сделать о сем предложение Академии, которая, приняв в

соображение достоинство сего сочинения, а равно и просьбу мою, как учредителя премий для награды успехов в отечественной литературе, конечно, не сочтет мое желание и ходатайство неуместным и невозможным к исполнению.

В ожидании на сие ответа я приостановлюсь письмом моим к самому г. Гоголю по сему предмету...»

Да, государь император действительно посетил первое представление «Ревизора», «хлопал и много смеялся», как пишет один из современников и очевидцев. Но очень скоро

хлопки и смех неслись уже только с галерки. Подлинная правда и истинное значение сатирической комедии становились очевидными. И академики, получив письмо Демидова, растерянные и смущенные, собрались 13 мая 1836 года на заседание. В одном из протоколов, найденных Е. С. Кулябко, содержится решение общего собрания Академии: «напомнить г-ну Демидову о пункте 2 статьи IX устава, который решительно противоречит его желанию, и объявить ему, что Академия, к сожалению, безусловно лишена возможности присудить от своего имени какую-либо награду г-ну Гоголю даже и в том случае, если бы его комедия была действительно признана произведением классическим».

Разумеется, ответ Демидову должен был звучать мягче и лиричнее, в нем была бы неуместна ирония последних слов резолюции или выражение «объявить ему». Необходимо было заглушить «решительное противоречие желания» того, кто по доброй воле предложил Академии столь высокое денежное вознаграждение, и следовало смягчить указание на то, что Академия сама, без консультаций с ним будет решать, кого и за что премировать.

Елена Сергеевна читала сохранившийся черновик ответного письма, — его составлял неперемный секретарь Академии Фус, — и видела, как мучительно подбирал тот фразы, с каким трудом склеивал сло-

ва, как без конца перечеркивал написанное, выкидывал и вставлял новые абзацы — все для того, чтобы облечь непристойный ответ в пристойные формы.

В окончательной редакции ответа говорилось, что пункт 2 статьи IX исключает к соисканию медалей сочинения драматические и что «сбытых в России, как и везде, так значителен, что прибыль от них, получаемая авторами, далеко превышает установленную награду» (с промышленником пробовали говорить на языке экономики). В письме говорилось даже, что образец медали был утвержден самим государем императором и что (это уже между строк) надо думать, кому предлагаешь ее вручить.

Трудно сказать, что испытывал Павел Николаевич Демидов, прочитав ответ академика. Е. С. Кулябко удалось установить, что он тут же написал в Академию о своем желании исключить из действующего положения 2 пункт IX статьи, не допускавший к соисканию наград драматические сочинения. На этот раз посланный ему ответ звучал еще суше: «Академия одна имеет право предлагать изменения и поправки в предлагаемом положении». Это уже звучало оскорбительно.

И вот состоялся шестой Демидовский конкурс, на котором учредитель премий хотел увенчать комедию Гоголя. На этот раз конкурс проводился особенно тщательно и строго. Главное место среди соискателей занял вместо писателя Николая Васильевича Гоголя полковник Бобинский, инспектор гвардейской береговой школы. Рассматривался его ученый труд «Иппология и курс верховой езды». Николай I лично назначил рецензентов этого сочинения, чтобы заручиться одобрительными отзывами и избежать неожиданностей. Рецензенты, представьте себе, оправдали возложенные на них надежды. Полковник Бобинский получил полную Демидовскую премию.

Гоголь, уехавший за границу 6 июня 1836 года, очевидно, знал о переписке Демидова с Академией и о представлении его к награде. И в письме, которое наконец-то стало понятным, благодарил за эту неожиданную поддержку. Новым смыслом наполнились слова писателя: «Это было одним из приятнейших моих воспоминаний, какие только вывез с собою из России».

Юрий АЛЯНСКИЙ